

Уже став чиновником, жить в гостинице или среди простолюдинов было неприемлемо. Особенно в Академии Ханьлинь, где доходы были минимальными, количество сотрудников — максимальным, а репутация — крайне важной. Жилищный вопрос стал большой проблемой, пока один из бедных выпускников Академии, впоследствии достигший высшего ранга, вместе с несколькими способными коллегами не арендовал переулок на юге города, где располагались небольшие дворики с двумя внутренними дворами, предоставляя их в аренду по низкой цене для чиновников, только что поступивших в Академию и происходивших из бедных семей.

Со временем это стало традицией, а переулок получил название Янь. Об этом, впрочем, позже.

Послали за старым слугой Лю Шаня, вызвали людей из похоронного бюро, чтобы убрать тело, затем пригласили рабочих для мытья полов и разбрасывания риса под деревьями, а также зажгли благовония. Все эти действия были выполнены быстро и спокойно, и к концу рабочего дня даже те, кто говорил о встрече с призраком, делали это украдкой, не привлекая внимания.

После этого лицо Лю Сюня всегда казалось несколько напряженным. Ли Цзи спросил его, все ли в порядке, предполагая, что он был потрясен видом покойного Лю Шаня.

— Я не видел посмертного облика Лю Шаня, — улыбнулся Лю Сюнь. — Со мной все в порядке.

Однако ночью он отказался гасить свет, оставив лампы гореть всю ночь, и попросил Дэдэра спать в соседней комнате, чтобы спокойно провести ночь.

Смерть человека в Академии Ханьлинь была подобна тихому ночному дождю: утром люди могли видеть слегка влажную землю, а солнце уже поднималось на востоке.

Благородные мужи стремились к самосовершенствованию, и Академия Ханьлинь была примером для всех образованных людей. Поэтому, хотя в частных беседах за чаем или вином они могли обсуждать, каким призраком был одержим Лю Шань, в рабочее время все вели себя чинно, словно вчерашние паникеры, говорившие о привидениях, были не они.

Таким образом, после смерти Лю Шаня единственным человеком в Академии, кто вел себя необычно, был Лю Таньхуа, Лю Вэйцзе, Лю Сюнь. Он подпирал подбородок рукой, внимательно читая местные хроники, что было для него редкостью, так как обычно он засыпал.

Так продолжалось три дня. Во время перерыва на чай Ян Цяо сказал Лю Сюню:

— Ты беспокоишься, что в здании все еще есть что-то нечистое?

— Нужно просто серьезно относиться к работе, — отмахнулся Лю Сюнь. — Жалование хоть и небольшое, но нужно его заслужить.

Ян Цяо больше не стал настаивать, лишь налил ему еще одну чашку чая:

— Грубый чай из глубинки, не обессудьте, господин Лю.

Лю Сюнь не был ценителем чая, выпил его залпом и почувствовал, что аромат был необычным, а послевкусие — сладким. Ему понравилось, и он попросил еще три чашки. После обеда он уснул, подперев лицо рукой.

Ян Цяо начал сомневаться, не переборщил ли он с успокоительным, которое добавил в чай.

Через месяц родственники Лю Шаня наконец прибыли в столицу, и в похоронном бюро был установлен официальный алтарь. Все сотрудники Академии Ханьлинь внесли деньги на поминки, а однокурсники Лю Шаня и те, кто только поступил в Академию, должны были лично посетить алтарь.

Ли Цзи пригласил Лю Сюня пойти вместе. Госпожа Цяо, узнав, что Лю Сюнь собирается в похоронное бюро, положила в его кошелек амулет, полученный в храме. Лю Сюнь с детства боялся всего, что связано с духами и привидениями, и каждый раз после посещения похоронного бюро заболел. Лю Лян предложил, чтобы он не ходил, а просто внес больше денег на поминки, так как Лю Шань был всего лишь преподавателем без ранга.

Госпожа Цяо посмотрела на него с укором:

— Ты сам знаешь, что часто приглашаешь коллег на выпивку. Если Сюнь не появится в такой момент, как он будет общаться с коллегами?

— Если бы мать не заболела и не слегла, дом бы уже разделили, и Сюню не пришлось бы мучиться, каждый день ходя в Академию, — сокрушался Лю Лян. — Так рано вставать — это же тяжело для ребенка.

— Старая госпожа просто притворяется, чтобы посмотреть, как долго продержится старший брат, — сказала госпожа Цяо. — Третья госпожа уже вышла из молельни, ровно через месяц после наказания. Из-за того, что старший сын заболел и не может встать, в третьем доме царит уныние. Старая госпожа спросила старшего брата, хочет ли он довести семью своего младшего брата до гибели.

— Мать не знает, что раздел дома уже решен, — сказал Лю Лян. — Сейчас все еще не окончательно, просто стороны не могут договориться о разделе интересов. Третья госпожа вышла, чтобы подсчитать, сколько получит их семья при разделе, ведь мой третий брат должен сохранять образ благородного человека. Хорошо, что мы не зависим от этих мелочей, иначе сейчас бы не было покоя.

— Сейчас делят только общий счет маркизата, что там может быть? Главное — это личные сбережения старой госпожи, — сказала госпожа Цяо. — Но это, конечно, достанется только третьему и четвертому домам. Мой отец написал, спрашивая, действительно ли сейчас будет раздел, и сказал, что дом, который он готовил для меня столько лет, наконец пригодится.

Вдова Лю Шаня с сыном, которому было около одиннадцати-двенадцати лет, стояли на коленях перед скромным алтарем в похоронном бюро, благодаря посетителей за соболезнования. Зрелище было печальным. После внесения денег на поминки они вышли из похоронного бюро. Солнце уже клонилось к закату, и Ли Цзи пригласил Лю Сюня пообедать.

— Я знаю, что ты ценитель хорошей еды, — сказал Ли Цзи. — Не смотри, что этот ресторан выглядит скромно, но его четыре фирменных блюда — «Слива», «Орхидея», «Бамбук» и «Хризантема» — изысканны и полны вкуса.

Ему не понравился чай в ресторане, поэтому он попросил официанта принести просто кипяченую воду.

— Жизнь и смерть — это непостоянство, — сказал Лю Сюнь. — Лю Шань ушел так рано, жаль его оставшихся вдову и сироту.

— Да, жаль, но, по крайней мере, они не остались без средств к существованию, — сказал Ли

Цзи. — Если правильно распорядиться деньгами, собранными на поминки, они смогут продержаться, пока сын не станет опорой семьи. Аренда за квартиру Лю Шаня не возвращается, но Ян Цяо арендовал его квартиру и заплатил вдове дополнительную сумму.

— Почему он арендовал ту квартиру? — спросил Лю Сюнь, удивленный. — Разве это не дурной знак?

— В Академии Ханьлинь становится все больше людей, и в других ведомствах тоже есть новые чиновники, которым не хватает денег, — сказал Ли Цзи. — Квартиры в переулке Яань пользуются большим спросом.

Его семья тоже не была богатой, но благодаря накоплениям нескольких поколений у них все же было немного наследства. Хотя им не приходилось беспокоиться о средствах к существованию, он все же был в курсе таких вещей, в отличие от Лю Сюня, который был совершенно незнаком с трудностями простой жизни.

— Если бы не странная смерть Лю Шаня, другие бы уже давно бросились арендовать его квартиру.

— Ян Цяо, у него нет денег? — спросил Лю Сюнь.

Он не выглядел богатым, но и не казался бедным.

Ли Цзи пожал плечами, не зная ответа.

На следующий день Лю Сюнь сам подошел к Ян Цяо, чтобы попить чая. Выпив чашку, он как бы невзначай сказал:

— У моей матери на улице Дунпайфан есть несколько домов, которые пустуют. Ты сейчас где живешь? Я не стану пить твой чай даром, походи посмотри, выбери себе любой дом.

— Мой чай не стоит столько, — усмехнулся Ян Цяо.

— Это просто повод, — сказал Лю Сюнь. — Если уж на то пошло, ты несколько раз помогал мне, а я так и не поблагодарил тебя должным образом. Ты помогаешь, не ожидая награды, это поведение благородного человека. Я же считаю, что даже за каплю благодарности нужно отплатить целым источником.

— Я ценю твою доброту, господин Лю, но я уже арендовал дом и жду, когда его отремонтируют, чтобы переехать, — сказал Ян Цяо.

Лю Сюнь нахмурился. Он не знал, что делать, когда его предложение отвергают, и слегка пробормотал:

— Что хорошего в этом доме с привидениями?

Ян Цяо услышал это. Он посмотрел на Лю Сюня: этот человек оказался удивительно добрым и мягким. Поэтому, хотя он не собирался говорить, все же добавил:

— Смерть Лю Шаня была делом рук человека, а не призраков. Этот дом — обычный, там нет привидений.

— Дело рук человека? — переспросил Лю Сюнь. — То есть его убили?

Лю Сюнь говорил открыто, не понижая голоса. Его слова привлекли внимание двух коллег в комнате. Заметив их взгляды, Лю Сюнь понял, что, возможно, ему следовало говорить тише. Увидев безмолвное выражение Ян Цяо, он смущенно вернулся на свое место с чашкой в руках.

Ян Цяо, воспользовавшись моментом, чтобы убрать чайные принадлежности, тихо усмехнулся.

После обеда Ян Цяо позвал Лю Сюня, чтобы разгадать загадку. Лю Сюнь боялся призраков, но теперь, когда речь шла об убийстве, он не испытывал страха.

— Ты видел лицо Лю Шаня после смерти? — спросил Ян Цяо.

Лю Сюнь покачал головой.

Ян Цяо был озадачен: в такой ситуации каждый бы посмотрел. Но, видя, как Лю Сюнь смотрит на него с любопытством, он лишь улыбнулся.

— У повешенного лицо бледное, глаза широко раскрыты, язык высунут на полдюйма, а выражение лица искажено. У задушенного лицо опухшее, глаза налиты кровью, губы синие, рот открыт, но язык не обязательно виден. У Лю Шаня были признаки удушения, а не повешения.

<http://bllate.org/book/16147/1446097>